ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

EVOLUTIONARY SOURCES OF SOCIAL ISOLATION

УДК 316.64: 141.144 : 141.155

DOI: 10.24411/2658-4964-2021-10346

Гончаров Артём Сергеевич, студент 3 курс, Педагогический факультет, Ставропольский государственный педагогический институт, Россия, г. Ставрополь

Goncharov Artyom Sergeevich, **e-mail**: raven-moon-34999@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению феномена социальной изоляции с позиции социальной философии и социологии. Опираясь на синтетическую теорию эволюцию, мы анализируем роль изоляции в жизнедеятельности высших млекопитающих и человека. В ходе исследования мы используем комплексный анализ с опорой на труды отечественных и зарубежных специалистов.

Summary

This article is devoted to the study of the phenomenon of social isolation from the standpoint of social philosophy and sociology. Based on the synthetic theory of evolution, we analyze the role of isolation in the life of higher mammals and humans. In the course of the research, we use a comprehensive analysis based on the works of domestic and foreign specialists.

Ключевые слова: сознание, изоляция, счастье, одиночество, эволюционизм, органицизм, дарвинизм.

Keywords: consciousness, isolation, happiness, loneliness, evolutionism, organicism, Darwinism.

Актуальность исследования заключается в необходимости частного изучения феномена социальной изоляции и ее разновидностей с позиции социальной философии и социологии. Социологическое рассмотрение социальной изоляции как преимущественно негативного явления, встречающееся в трудах отечественных исследователей, искажено выработавшейся в 1990-е гг. определенными нормами и традициями в изучении данного феномена, поэтому в настоящее время имеет важность анализ социальной изоляции в комплексном виде – с опорой на труды отечественных и зарубежных специалистов при использовании методов философии, социологии и психологии, с привлечением современных полевых исследований об особенностях изоляционного развития высших млекопитающих

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что материалы работы можно использовать при изучении феномена изоляции с позиции органицизма, эволюционизма и даривинизма. Материалы статьи представляют значимость в контексте изучения курсов «Философии» и «Социологии» в высшем учебном заведении. В научном дискурсе результаты исследования можно использовать в дальнейшем изучении явления социальной изоляции с позиций философии, социологии и психологии.

Цель исследования – комплексный анализ эволюционной основы усиления роли социальной изоляции в жизни человека.

В философии и социологии под социальной изоляцией понимается социальное явление, при котором личность отторгает влияние социальной группы или отдельных ее представителей, что приводит к резкому сокращению социальных связей, либо к их полному прекращению. Социальная изоляция тесно связана с категориями «одиночества» и «счастья». Всякий живой организм, нуждающийся в принятии группой, либо считающий себя частью группы, старается избежать изоляции, так как она приводит к акцентуализации негативной категории одиночества и к потере части

значимых для психофизиологического состояния организма элементов позитивной категории счастья [9, с. 1273].

Е.А. Юдич, исследуя проблему одиночества с позиции философии, отмечал: «Традиционно состояние одиночества связывают либо с внутренним рефлективным разладом личности, либо с разрывом или нехваткой определенных социальных связей, либо и с тем, и с другим одновременно. Иными словами, состояние одиночества рассматривается, как правило, с двух позиций: с позиции внутреннего мира человека, испытывающего одиночество, и с позиции социального окружения одинокого человека» [7, с. 97]. Таким образом, любое социально существо, для которого нахождение в группе либо соответствует категории счастья, либо нивелирует категорию одиночества, стремится быть частью группы.

Рассуждая об этом с позиции эволюционизма и органицизма, можно выделить, что социальное существу может стремится к отдалению от группы в четырех случаях: 1) если категория счастья социального существа не соотносится с его нахождением в группе; 2) если категория одиночества социального существа не нивелируется нахождением в группе; 3) если категория счастья и одиночества не зависят от пребывания в группе; 4) если категория счастья для социального существа достигается отдалением от группы, либо категория одиночества нивелируется за счет избегания группы, а не пребывания в ней.

Как правило, человек в обществе прибегает к социальной изоляции, если чувствует себя несчастным: категория счастья в его ценностной, социокультурной, профессиональной или коммуникативной сферах не соотносится с длительным пребыванием в коллективе [2; 5]. В этом случае имеет место осознанная или искусственная социальная изоляция. Человек приходит к ней с помощью рацио – основного средства, используемого для расширения своей социальной реальности. То же средство используют высшие млекопитающие, которые, по факту, отличаются от человека лишь тем, что не улучшают орудия труда и, соответственно, не расширяют свою социальную реальность. Другие развитие биологические виды прибегают к

инстинктивному отстранению от группы (в поисках самки, благоприятного убежища, ареала для добычи пищи и пр.), особенно это свойственно для крупных хищников. Естественная социальная изоляция вредна для человека в том случае, если он испытывает потребность в длительном нахождении в коллективе [2; 4].

Изоляция личности в социальном пространстве направлена на ограничение социальных контактов с отдельным человеком, как правило, не соответствующим представлению личности о нормах морали, либо в том случае, если ценности двух людей противоречат друг другу (в социологии это называется «ситуация ресентимента» – столкновения ценностей) [1]. Другой случай – это ограничение контактов с социальной группой, как правило, по тем же причинам. Изоляция от общества в целом происходит по совокупности более значимых личностных, социальных и культурных причин. Если для общества считается нормой формальная изоляция (школа, армия) или физическая изоляция (общение по телефону, сети Интернет), то полная изоляция обычно приравнивается к нарушению социальной нормы, социального стереотипа.

Причиной изоляции отдельной личности служит несоответствие социальной реальности ее социальным ожиданиям. В обществе такая личность находит множество «раздражителей» и, пытаясь сопротивляться манипуляции массовым сознанием, отказывается от ряда аксиологических и, в некотором смысле, этиологических аспектов социума ради реализации безграничного чувства свободы. Здесь абсолютное одиночество граничит с абсолютным счастьем – глубинный конфликт эгоистичной натуры в попытках сохранить самость, ограничив собственное «Я» в поиске себя в социуме.

Схожую мысль можно обнаружить у Макса Штирнера в «Единственном»: «Из всех социальных теорий критика, несомненно, самая совершенная, ибо она удаляет и обесценивает все, что разделяет людей: все преимущества, до преимущества в вере включительно. В ней завершается в чистейшем виде христианский принцип любви, истинный социальный принцип, и ею предпринимается последняя возможная попытка вывести

человека из его исключительности и изолированности: это – борьба с эгоизмом в его простейшей, а потому и наиболее резкой форме, в форме исключительности и единственности» [8, с. 127].

Почему же тенденции современного общества толкают сильную личность к намеренной, добровольной изоляции? С эволюционной точки зрения можно привести тот факт, что в мозге высших млекопитающих существует «молекула одиночества», представляющая собой защитный механизм, срабатывающий, когда животное остается вне группы длительное время. TAC3, тахикинин из группы нейропептидов, образующихся в ЦНС или ПНС, кодирует нейрокинин В в организме высших млекопитающих таким образом, что это вызывает реакцию отторжения на сильные раздражители извне – группы, обладающие теми же биологическими характеристиками, что и представитель вида. Данный механизм работает так: социальное существо становится асоциальным, повышаются его навыки к выживанию, оно начинает имитировать хищника при опасности. В случае с высшими млекопитающими – хищниками этот механизм легко переходит в активную и пассивную фазу, что позволяет им при необходимости прибегнуть к добровольной изоляции [6].

Сравнивая принцип перехода с основными положениями современного дарвинизма (синтетической теории), можно сказать, что добровольная изоляция у высших млекопитающих работает так, что отдельный представитель вида прибегает к ней в случаях, если: 1) наследственность поставлена под угрозу вследствие низкой выживаемости представителя, его недееспособности; 2) представитель вида не способен к размножению, не может вести борьбу за существование, обеспечивать потомство и потребляет жизненные ресурсы; 3) представитель не может приспособиться к условиям среды; 4) окружение представителя вида воспринимается им в качестве «раздражителей»; 5) продолживший потомство представитель вида отправляется в так называемое «путешествие», естественный аналог отшельничества у человека, в большей степени этот феномен свойственен для самцов, самки же предпочитают изоляцию в убежище или обжитом месте [2].

В социальных условиях мы видим, что многие данные формы полной изоляции имеют место и в современном социуме. Добровольная самоизоляция является выражением накопившегося желания к прекращению социальных контактов. Социальный разрыв как разновидность изоляции представляет собой реакционное явление на пребывание личности в неприятном или даже ненавистном ей обществе. И, как мы упоминали ранее, отшельничество и затворничество – особый вид полной изоляции, связанный с возрастающей в жизни человека ролью духовной сферы, которая не соотносится с пребыванием в обществе. Например, если отшельничество имеет религиозный контекст (анахоретство), то человек хочет разорвать связи с обществом, чтобы ничто не мешало его диалогу с «высшими силами».

В культурном контексте экзистенциальный субъект желает избегать общества, если не поддерживает его идеологию, не желает разделять его императивы и ценности. В то же время, он стремится абсолютизировать собственные ценности – так, в сознании личности срабатывает защитный механизм, заложенный в гены высших млекопитающих и усовершенствованный в ходе эволюции. Конечно, на примере человека принцип действия механизма работает немного иначе.

Человеку сложнее «переключаться» между активной и пассивной фазой, как это делают те же дельфины. Но, если отталкиваться от психоаналитической концепции, согласно которой сознание и бессознательное человека изначально делают его асоциальным, и социализируется он только с обретением своего «Сверх-Я» (в процессе социализации), то можно прийти к выводу, что полная социальная изоляция, с позиции органицизма и эволюционизма, не только свойственна человеку, но и ее развитие вполне закономерно следует за развитием общества.

Выводы. Таким образом, современная ситуация в социальной сфере многих постиндустриальных стран позволяет судить о возрастающих случаях полной добровольной социальной изоляции. Нарушая нормы общественной морали и, фактически, не соответствуя концепции общественного блага, социальная изоляция по мнению специалистов в области социальной

философии и социологии, приводит к нарушению функционирования социальных институтов, к увеличению количества людей, испытывающих социальное одиночество. Но, критически оценивая данное положение, мы считаем, что для личности и человека в целом социальная изоляция имеет эволюционную обусловленность, заключающуюся в нарастании противоречий между личностью и общества, в несоответствии социальным ожиданиям личности ее социальной реальности, а также в необходимости получения сильной личностью абсолютной свободы ее социального бытия и природной индивидуальности, нуждающейся в новом раскрытии и переосмыслении.

Литература

1. Алебастрова А.А. Метафоричность "другого" в философии одиночества // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 3 (3). С. 29-32.
2. Дарвин Ч. О происхождении видов. – М.: «Эксмо», 2019. – 416 с.
3. Камю А. Изнанка и лицо: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. – 864 с.
4. Музашвили Д.З. Проблема одиночества в социальной философии // Философия и общество. 2010. № 3 (59). С. 101-109.
5. Рагулина В.А., Рагулина С.А. Критический реализм и его эстетическая программа // В сборнике: Проектная деятельность и научные исследования студентов. Сборник материалов научно-практической студенческой конференции. Редактор А.Ю. Ефремов. 2019. С. 85-89.
6. Саловарова В.П. Введение в биохимическую экологию учеб. пособие / В.П. Саловарова, А. А. Приставка, О.А. Берсенева. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – 159 с.
7. Юдич Е.А. Проблема одиночества в контексте философии // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 97-102.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 560 с.

9. Szołtysek Ja., Otręba R. ATtractiveness of cities during social isolation: Views of residents of the silesian voivodeship (Poland) // Economy of Region. 2020. T. 16. № 4. C. 1272-1284.

Literature

1. Alebastrova A.A. Metaforichnost' "drugogo" v filosofii odinochestva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2012. No 3 (3). P. 29-32.
2. Darvin Ch. O proiskhozhdenii vidov. – M.: «Eksmo», 2019. – 416 pp.
3. Kamyu A. Iznanka i lico: Sochineniya. – M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press; Har'kov: Izd-vo «Folio», 1998. – 864 pp.
4. Muzashvili D.Z. Problema odinochestva v social'noj filosofii // Filosofiya i obshchestvo. 2010. No 3 (59). P. 101-109.
5. Ragulina V.A., Ragulina S.A. Kriticheskij realizm i ego esteticheskaya programma // V sbornike: Proektnaya deyatel'nost' i nauchnye issledovaniya studentov. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj studencheskoj konferencii. Redaktor A.Yu. Efremov. 2019. P. 85-89.
6. Salovarova V.P. Vvedenie v biohimicheskuyu ekologiyu ucheb. posobie / V.P. Salovarova, A. A. Pristavka, O.A. Berseneva. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2007. – 159 pp.
7. Yudich E.A. Problema odinochestva v kontekste filosofii // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2011. Vol. 318. No 6. P. 97-102.
8. Shtirner M. Edinstvennyj i ego sobstvennost'. – Har'kov: Osnova, 1994. – 560 pp.
9. Szołtysek Ja., Otręba R. ATtractiveness of cities during social isolation: Views of residents of the silesian voivodeship (Poland) // Economy of Region. 2020. T. 16. № 4. C. 1272-1284.